
Макс Вебер об университете

© 2019 г. А.М. Руткевич

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, 105066, ул. Старая Басманная, д. 21/4.*

E-mail: rutkevitch@yandex.ru

Поступила 05.02.2019

Доклад Макса Вебера «Наука как призвание и профессия» подводит итог столетнему развитию немецкого «гумбольдтовского» университета. От размышлений о научной карьере Вебер переходит к осмыслению переживания ученым своего «призвания» и рассмотрению науки как мировоззрения. Будучи социологом религии, Вебер прослеживает генеалогию университетских профессоров: «мирская аскеза» университетских интеллектуалов имеет своим истоком обмирщение религии спасения. Гумбольдтовский университет был протестантским по своему духу, науку как религиозное призвание переживали лютеране, сочетавшие прогрессизм Просвещения и философскую спекуляцию на манер Фихте и Гегеля. Этот университет умер, вопрос о внутреннем «призвании» перед членами научного сообщества сегодня стоит даже острее, чем во времена Вебера. Вместе с дальнейшей секуляризацией и демократизацией университета религиозная легитимация научного труда исчезает, остается философская: либо эпикурейская («мне нравится это занятие»), либо стоическая («делай, что должно»), либо платоновская (созерцание идей, «миф о пещере»). Ныне выбор научного поиска в качестве *профессии* — решение в значительной степени подразумевающее переживание его как *призвания*, ибо этот выбор не сулит серьезного финансового или социального успеха.

Ключевые слова: М. Вебер, наука, университет, гумбольдтовский университет, призвание, протестантская набожность, профессия, религия, философия.

DOI: 10.31857/S004287440005724-1

Цитирование: Руткевич А.М. Макс Вебер об университете // Вопросы философии. 2019. №7. С. 43–51.

Max Weber on university

© 2019 г. Aleksei M. Rutkevitch

National Research University Higher School of Economics, 21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation.

E-mail: rutkevitch@yandex.ru

Received 05.02.2019

Max Weber's lecture "Science as a vocation and a profession" sums up a hundred years history of the German "Humboldtian" university. From the reflections on the academic career in Germany of his time he passes to the feeling of "inner vocation" and to the science as *Weltanschauung*. As a sociologist of religion Weber retraces the genealogy of the university professors: the worldly asceticism of the intellectuals has a source in the secularization of the religion of salvation. Humboldtian University was protestant by its spirit, science was experienced as a religious vocation by Lutherans, combining the progressivism of Enlightenment with philosophical speculation in the manner of Fichte or Hegel. This University is now dead and the question of inner "vocation" is even a more pressing issue for the scientific community than in times of Weber. Further secularization and democratization of the university eliminates the religious legitimization of the scientific research, rests the philosophical one: or Epicurean ("I love this job"), or Stoical ("do what you must"), or Platonic (contemplation of ideas, "the myth of the cave"). Now the choice of scientific research as a profession is a decision largely implying the experience of it as a vocation, since scientific activity is not associated with financial or social success.

Key words: M. Weber, science, university, Humboldtian university, vocation, protestant piety, profession, religion, philosophy.

DOI: 10.31857/S004287440005724-1

Citation: Rutkevitch, Aleksei M. (2019) 'Max Weber on University', *Voprosy filosofii*, Vol. 7 (2019), pp. 43–51.

Доклад Макса Вебера *Wissenschaft als Beruf* был прочитан в Мюнхене 7 ноября 1917 г., а опубликован в 1919 г., уже в совсем иной политической реальности. Осенью 1917 г. кайзеровская Германия еще находилась на вершине могущества и готовилась к решающему удару по армии союзников. В марте 1918 г. эта попытка провалилась. На время публикации доклада Германия не только проиграла войну: революция смела монархию, был подписан позорный для немецких элит Версальский договор, страна была на грани гражданской войны, началась инфляция, которая «съела» накопления бережливых бюргеров. Та мировоззренческая «война богов», о которой говорилось в докладе, материализовалась в виде конфликта непримиримых партийных доктрин, затронувшего и научное знание — кто ранее в научном сообществе мог представить себе споры об «арийской» или «пролетарской» физике? К давним спорам об отношениях науки и религии добавилась тема «наука и идеология». Потрясены были те основания, на которых строилась вся немецкая культура или даже вся европейская цивилизация. Так что внимание к этому докладу в Веймарской республике было значительным, а в обсуждении его участвовали видные ученые. Не является случайным и то обстоятельство, что в других странах подобных дискуссий не возникло, да и переводы доклада на иные языки были поздними. У нас он был издан лишь на исходе советской эпохи, причем в сокращенном виде: по неким причинам первые 7 или 8 страниц, посвященных «профессии», в этом переводе опущены, а потому совершенно непонятно, почему доклад

носит название «Наука как профессия и призвание». Имело бы смысл тогда не следовать за британскими или итальянскими переводчиками и озаглавить работу «Наука как призвание», поскольку именно таково основное ее содержание. К тому же немцы и ранее писали о «назначении ученого», «миссии университета», «духовном служении» и т.п. Да и вышел этот доклад в задуманной Вебером серии брошюр «Духовная работа как призвание» («Geistige Arbeit als Beruf»).

Тем не менее имеющийся перевод верен. Дело не только в том, что начальные страницы посвящены университету и месту в нем ученого. Вебер был не просто основоположником социологии, он был наделен тем особым способом зрения, который роднит социолога с клиницистом. Научным поиском заняты группы людей со своим специфическим видением мира и этосом. В докладе говорится о социальном положении, ценностях и добродетелях такой группы. В начале XIX в. в Германии ее именовали *bürgerliche Intelligenz*. К концу века это словосочетание практически исчезло. Если в начале столетия политически и экономически слабая буржуазия была средоточием возникавшей общенациональной культуры, создавала великую литературу, философию и музыку, то к концу века она стала правящей элитой агрессивной империи. Национал-либеральные союзы немецкой буржуазии — *Alldeutscher Verband*, *Kolonialgesellschaft*, *Flottverein* — были проводниками имперской воли к власти и борьбы «за место под солнцем». На 1914–1918 годы хладнокровный администратор и техник войны фельдмаршал Людендорф «...лучше чем кто бы то ни было другой воплощал тип нового буржуазного господствующего класса, отодвинувшего за время войны прежнюю аристократию; он был воплощением идей Всенемецкого союза, его брутальной воли к победе, одержимости, с которой на кон ставилось все ради власти над миром» [Haffner 1981, 28]. Программа 1912 г. Всенемецкого союза — самой крупной и влиятельной организации немецкой буржуазии — требовала не только быстрого начала войны, но также «радикального изничтожения внутреннего врага путем захвата новых жизненных пространств» [Nolte 1963, 371]. Причем такими врагами в брошюре главы союза Г. Класа («Если бы кайзером был я») уже объявлены не только социал-демократы, но также евреи и пацифисты.

Вебер, побывавший членом Всенемецкого союза в молодости, далеко отошел от такой программы. С докладом он выступал не перед студентами вообще, а перед представителями объединения студентов, не входивших в корпорации, т.е. в те союзы, где практиковались попойки и дуэли, — а в них состояло большинство студентов юристов и медиков. Если члены таких корпораций, как *Arminia* и *Bavaria*, держались ценностей новой империалистической элиты¹, то в союз внекорпоративных студентов входили, скорее, учащиеся «не хлебных» факультетов, думавшие прежде всего о научной карьере, — тех факультетов, которые были осуществлением мечты Вильгельма фон Гумбольдта об университете как пространстве свободного научного поиска. Эти студенты презирали «буршей» или даже, как Карл Ясперс, видели в них «проклятие немецких университетов»². В университетах учащиеся были разделены на тех, кто ощущал себя наследником Канта и Гумбольдта, романтиков и Гегеля, и тех, кому вся эта традиция была уже совершенно чужда.

Тем не менее научным поиском в ту эпоху была занята удивительно продуктивная духовная элита. Идет ли речь о *Naturwissenschaften* или о *Geisteswissenschaften*, сравнительно небольшая группа университетских профессоров и приват-доцентов прославилась в XIX в. немецкую науку. На начало XX в. в Германии существовало 19 университетов, в которых обучалось примерно 60 тыс. студентов³, причем две трети из них учились на юристов, медиков и богословов. На всю страну тогда было примерно 3,5 тысячи университетских преподавателей, профессоров и приват-доцентов. По сути, Вебер обращался к молодым представителям относительно немногочисленной социальной группы, разделявшим идеалы «призвания» и «служения», которых держался он сам. Доклад спровоцировал столь живую дискуссию в Германии (и не вызвал ничего подобного в других странах) именно потому, что затронул те базисные верования немецких ученых, которые направляли их деятельность, но которые уже начали утрачивать характер чего-то «само собой разумеющегося».

Структура доклада проста. Вебер начинает с анализа университетской карьеры немецкого ученого (Beruf как профессия), затем переходит к индивидуальному служению (Beruf как внутреннее призвание), а под конец говорит об исторической миссии науки и занятого ею «цеха». Существует довольно долгая традиция истолкования этого доклада в духе неопозитивистской демаркации науки и всякого рода «мировоззрений». Только Вебер не просто повторял тезисы о «свободе от оценок» своих ранних статей, он задавал вопрос о смысле научной деятельности, который игнорируется сторонниками логического эмпиризма или критического рационализма. Как отмечал один из лучших немецких интерпретаторов доклада Ф. Тенбрук, сводящие его к подобному разграничению и прославлению «свободы от ценностей» просто ничего не понимают в содержании доклада [Tenbruck 1995, 66–67]. Объясняется такое непонимание не только философской малограмотностью большинства социологов, но и тем, что сам Вебер дает повод для диаметрально противоположных толкований. Систематиком он не был, о фрагментарности его воззрений не раз писали и хорошо его лично знавшие мыслители, начиная с К. Ясперса, который в траурной речи сразу после смерти Вебера говорил о нем как о «воплощении экзистенциального философа» [Ясперс 1994, 556]⁴, имея в виду то, что Вебер высоко ставил иррациональное начало и негативно относился к примиряющим противоположности понятийным синтезам.

В наши задачи не входит ни прослеживание эволюции взглядов Вебера, ни анализ основных его социологических идей. Отметим лишь то, что повод для позитивистских истолкований его доктрины он давал сам своим методологическим индивидуализмом и номинализмом, воспринятым, впрочем, не у позитивистов, а у Риккерта — научные понятия суть абстракции, преодолевающие бесконечное экстенсивное и интенсивное многообразие. От Канта он унаследовал антитетизм в сфере разума. Обнаруживаем мы у Вебера и то тайные, то явные следы чтения Ницше. Пожалуй, об особенностях его философии лучше всех сказал М. Шелер, отмечавший, что Вебер «...по сути, совершенно не признает и потому исключает среднее звено между верой, религией и позитивной наукой, которое только и заслуживает названия “философии”. Между тем без этого среднего звена наука вырождается в бездуховную и безыдейную рутину, а религия — в мрачный индивидуалистический фанатизм» [Шелер 2011, 224]. Вебер исключает чистое интеллектуальное созерцание, *amor Dei intellectualis*, мудрость и остается перед строгой, но бессмысленной наукой, с одной стороны, и иррациональной верой Лютера, с другой, — между ними нет посредников. Таков и основной вывод его доклада. «Наука как призвание», требующая от индивида полной самоотдачи, остается только у «больших детей с кафедр и из редакций научных журналов», а внешний для научного сообщества мир заполнен множеством равно сомнительных «мировоззрений» и новомодных интеллектуальных сект, к которым — в отличие от давних религиозных — Вебер испытывает лишь презрение. Сегодняшние интеллектуалы ищут «переживаний» (или даже острых ощущений), идолом становится «личная самореализация». Вебер четко отличает науку от такого сорта «самореализаций»: в области науки «личностью» обладает лишь тот, кто служит исключительно сути дела (*der rein der Sache dient*) [Weber 1995, 15].

Таков итог примерно столетнего движения немецкой мысли, но по ходу этого движения (и на его вершинах) обнаруживается нечто иное: наука мыслилась как *призвание*, преподавание в гумбольдовском университете — как *служение*. В терминах веберовской социологии речь идет о «мирской аскезе» интеллектуалов в стенах университета. К социологии религии они имеют отношение не только потому, что в протестантских странах немалую часть данной группы составляли сыновья священников. Вебер говорит об обмирщении религии спасения — о процессе, который происходил в различных культурах. Конфуцианство и религии Индии рассматриваются им в этой перспективе — это аристократические пути освобождения, склоняющиеся к мистике «озарения», а затем к философскому идеализму, эзотеризму, сословной этике, иерархии посвященных и т.п. «Спасение, которое ищет интеллектуал, всегда является спасением “от внутренних бед”, поэтому оно носит, с одной стороны, более далекий от жизни, с другой — более принципиальный и систематически продуманный характер, чем спасение от

46

внешней нужды, характерное для непривилегированных слоев. Интеллектуал ищет возможность придать своей жизни пронизывающий ее “смысл” на путях, казуистика которых уходит в бесконечность, ищет “единства” с самим собой, с людьми, с космосом» [Вебер 1994, 171]. Подобный интеллектуализм способствует оттеснению магии, «расколдовыванию» мира, подчинению жизни строгому осмысленному порядку. Но это ведет и к бегству от мира, который далек от такого идеального порядка. «Мирская аскеза» в высших классах ведет к философскому интеллектуализму. Но существует интеллектуализм и с иной направленностью мыслей. Его демонстрируют «...интеллигенты-самоучки из низших слоев, классическим типом которых является в Восточной Европе русская крестьянская интеллигенция, близкая к пролетариату, на Западе — социалистическая и анархическая пролетарская интеллигенция» [Там же, 172]. Этот интеллектуализм «париев» современного мира имеет множество предшественников, поскольку в разные времена существовали слои, стоявшие вне социальной иерархии или на низших ее ступенях, оспаривавшие права слоев высших, исходя из ригористических требований религиозной этики. Сегодня, указывает Вебер, место религиозной этики заняли революционные идеологии.

Если в России в начале XX в. студенты уже основательно «прониклись» последними, то в Германии ситуация была иной. Наряду со стремящимися к деньгам и карьере (а таковых хватало и в средневековых университетах) здесь учили и учились те, кто искал «единство смысла» посредством науки. Вебер подводил итог столетней истории гумбольдтовского университета, академического сообщества и его идеалов. Средневековые интеллектуалы-клирики состояли на службе католической церкви, их вера и знание примирялись «Суммами» высокой схоластики. Такое «внешнее» примирение Реформация заменила на «внутреннее», научный поиск стал *привизанием*. Вебера нередко зачисляли в поклонники кальвинизма, но он был лютеранином и, мягко говоря, недолюбливал убогое пуританство дельцов. Лютеранин служит Богу, служа культуре: открытие научного закона или сочинение симфонии есть реализация «внутреннего человека». Немецкие слова «Bildung», «Innerlichkeit», «Kultur» отсылают к тому же обращенному вовнутрь благочестию. Х. Плеснер — вслед за «Размышлениями аполитичного» Т. Манна — писал об особой «культурнабожности» (Kulturfrömmigkeit) лютеран, высвободивших религиозную «энергию» для мирского творчества в относительно ограниченной сфере духа, но не распространявших ее, как голландские, английские или американские протестанты, на область политики [Plessner 1974, 65–67]. Только в Германии XIX в. могли органически слиться протестантская набожность и позитивная наука, Реформация и Просвещение.

Секуляризированное христианство легко обнаружить и в прогрессизме XIX в. — его не чуждались даже такие «положительные умы», как Конт и Спенсер. Но в немецкой мысли к этой научно-технической утопии прибавился дух протестантского служения Богу. Его легко обнаружить и в историзме Л. фон Ранке, и в «Критиках» Канта, и в гегелевской философии. Правда, историческое христианство при этом отступало и вымывалось. Великолепный образец последовательной интеллектуализации христианства дает Фихте в «Наставлении к блаженной жизни»: сохранив одно лишь Евангелие от Иоанна («В начале был Логос»), он отбрасывает все остальные, равно как и послания ап. Павла, относимые им к «остаткам иудаизма». Спекулятивные философско-исторические этажи надстраивались над просветительским прогрессизмом. Для католиков и православных подобная интеллектуализация в лучшем случае сомнительна, в худшем является ересью⁵. Для лютеранина его внутренняя религиозная жизнь важнее всех внешних церковных установлений.

Вебера часто называли «буржуазным Марксом» и полагали ниспровергателем «экономического детерминизма». На деле же, Вебер высоко ценил «Капитал» и считал экономический редукционизм вполне оправданной, хотя и ограниченно применимой исследовательской стратегией. Не терпел он примитивности «исторического материализма» тогдашних социал-демократов, считал утопичной веру в «обобществление», которая может привести только к царству бюрократии в системе государственного капитализма. Самое глубокое его расхождение с Марксом заключалось в том, что Вебер вел

спор со всей идущей от Гегеля философией истории, а то, что в мечтах социалистов выступало как рай на Земле, казалось ему царством «последнего человека» Ницше. Неприемлемой для Вебера была и логическая дедукция социальной реальности из спекулятивной доктрины, «эманация» действительности из понятия⁶.

Вебер писал о немецком университете как о сочетании «духовно-аристократической» традиции и «плутократических предпосылок» академической карьеры [Weber 1995, 4–7]. Чтобы стать профессором, защитивший докторскую диссертацию (Habilitation) приват-доцент должен был годами практически бесплатно вести занятия без какой-либо гарантии того, что будет утвержден профессором. Иначе говоря, научная карьера становилась уделом верхушки немецкой буржуазии. Дворяне предпочитали военную карьеру, тогда как выходцы из низов изредка появлялись только на теологическом факультете. Вебер коротко говорит о перспективе «американизации» университета, массовизации и демократизации высшего образования, оплачиваемой работе ассистентов, переходе от средневекового цеха (орудия труда принадлежат самим ремесленникам) к «государственно-капиталистическому» предприятию, где по найму работают не имеющие в своей собственности орудий труда. Разделение труда, все более узкая специализация ученых имеют своим следствием не только то, что ученый все больше знает о все меньшем, но также бюрократизацию управления, урезание академических свобод, да и утрату всех прежних мифов о науке как освободительнице человека и человечества.

За сто лет прогнозы Вебера вполне реализовались. Имеется примерно 70 тысяч научных дисциплин и миллионы занятых ими работников. Мы живем в то время, когда словосочетание «британские ученые установили» уже не вызывает смеха по той причине, что вполне уважаемые лаборатории отчитываются статьями в журналах с высочайшим impact-factor, но поставленные ими эксперименты не воспроизводятся в других лабораториях (на две трети это относится к биомедицинским наукам), и рассуждать об intersubjectивности знания поэтому просто не приходится. Про социальные науки не стоит и говорить: Нобелевские премии по экономике получили лица, которые за пару лет до кризиса 2008–2009 гг. математически обосновывали невозможность появления финансовых «пузырей». Науками именуются всякого рода cultural, postcolonial, gender studies, которые уже нельзя просто игнорировать, поскольку именно они служат новой религии «прав человека». В терминах Хабермаса и Апеля, это «эмансипативные науки», научность которых примерно соответствует «научному коммунизму» недавней эпохи. «Если не поверите, то и не поймете», — эти слова характеризуют не «темное средневековье», а немалую часть социальных и гуманитарных наук начала XXI в. Мыслителей прошлого оценивают в соответствии с тем, как они приуголаживали наш brave new world, — относится это и к М. Веберу⁷.

Вебер предсказывал умирание «науки как призвания». Оно произошло даже быстрее, чем он предполагал. Сегодня слово «Beruf» практически никто в Германии не соотносит с «призванием» (для последнего осталось однокоренное — «Berufung»); если слушавшие Вебера студенты еще помнили, что наука дает нечто большее, чем дипломы, технические знания и карьеру, то нынешние никак не соотносят занятия наукой со смыслом жизни, служением и т.п. Речь идет не о какой-то особой «бездуховности» молодежи, просто она относит все это к далеким от науки сферам искусства, религии и оккультных практик. В XIX в. дарвинизм мог считаться «мировоззрением», но может ли быть таковым современная генетика, понятная лишь малому числу узких специалистов? Конечно, некие унаследованные от Просвещения, прогрессизма XIX в. и марксизма верования в «избранность» ученых сохраняются и даже культивируются. Но там, где мы выходим за пределы прагматической полезности науки, обнаруживаются либо примитивные — в сравнении с их предшественниками — идеологические конструкции, либо довольно профессиональные, но сомнительные уже по этическим причинам доктрины. «Технологическая сингулярность», «трансгуманизм», Homo Deus — все это интересно в качестве игры ума, но никак не соотносится с наукой даже не как «призванием», но попросту нравственным занятием. Коли имманентной целью науки является «преодоление человека» посредством

генетики, биоинженерии и компьютерной техники, то на фоне такой «строгой науки» невинными покажутся «политкорректные» благоглупости, которые хотя бы не ведут к самоубийству рода человеческого, ограничиваясь «всего лишь» деградацией интеллекта.

Доклад Вебера для историка образования значим как четкая фиксация начала кризиса гумбольдтовского университета. На сегодняшний момент он уже умер. Полтора века тому назад слова «университет — не гимназия» имели тот смысл, что в университете студенты заняты не заучиванием, а свободным поиском истины. Сегодня те же слова можно истолковать иначе: от гимназии, в которой давалось широкое гуманитарное образование, массовый университет отличается тем, что в нем «натаскивают» в какой-то узкой области. Исторические заслуги гумбольдтовского университета несомненны, но не стоит забывать о том, что это был поначалу *сословный университет* городского патрициата, а затем *массовый университет* верхушки буржуазии. Его смысла именно волна демократизации — волна, конечно, разрушительная, уничтожившая и исковеркавшая немалую часть того, что никак не относилось к «привилегиям богатых». В массовых университетах учатся миллионы людей, желающих побыстрее обзавестись дипломом и, заняв место в какой-нибудь фирме, получать достойную зарплату за более или менее квалифицированный труд. Но и сто лет назад Вебер выступал перед незначительным меньшинством — студентами, думавшими о научной карьере, тогда как остальные желали материальных благ и карьеры в стремительно растущей бюрократии кайзеровского рейха. Сегодня учатся наследники тех, кто век назад не мог и мечтать о высшем образовании — потомки крестьян, перебравшихся в город в эпоху индустриализации. Оплакивающим «упадок высшего образования» в сегодняшней России следовало бы вспомнить, что они учились в то время, когда в вузы поступало 20% выпускников школ, тогда как ныне — все 80.

Нет ничего дурного в том, что молодые люди свободно выбирают свой жизненный путь, сами выстраивают свою карьеру. Одни из них отдают предпочтение трудоемкому освоению теоретической физики, другие получают полезные профессиональные навыки, тогда как третьи вообще удовлетворяются поверхностным набором умений и дипломом о высшем образовании. Таков этот рынок услуг — не хуже и не лучше прочих. Мы живем во времена усложняющегося постиндустриального общества, требующего все большего срока обучения и социализации от своих членов. Развитые страны движутся к почти всеобщему высшему образованию — качество последнего неизбежно будет невысоким. В известном смысле такая система образования является наследницей Просвещения, прогрессизма либералов и социал-демократов. Наследие гумбольдтовского университета можно отыскать в небольшом числе вузов, где профессора по-прежнему заняты фундаментальной наукой и учат тому же занятию студентов, где над бакалавриатом надстраиваются магистратуры и докторантуры для небольшого числа тех, кто неизбежно ставит перед собой вопросы о смысле научного поиска или даже «мирской аскезы». Современному ученому не обойтись без «ментальной гигиены», поскольку он должен «брать в скобки» почти все информационные шумы сегодняшнего мира, но ему нужно ограничивать себя и материально. Он знает, что будет жить, получая вознаграждение за труд в разы меньше тех, кто — при тех же квалификации и уме — избрал работу в корпорации или на государственной службе. Будь ты хоть преподаватель четырехлетнего колледжа в Оклахоме, хоть доцент в Реймсе или Кёльне, хоть профессор в Москве, все равно ты относишься к «низшему среднему классу» и по доходам, и по престижу профессии. Даже профессора лучших американских 30-40 университетов сталкиваются с тем, что их жизненный уровень в последние полвека не рос, а падал в сравнении с другими профессиональными группами⁸. Вопрос о внутреннем «призвании» перед членами научного сообщества сегодня стоит даже острее, чем во времена Вебера. Религиозная легитимация остается разве что на теологических факультетах, остается философская: либо эпикурейская («мне нравится это занятие»), либо стоическая («делай, что должно»), либо платоновская (созерцание идей, «миф о пещере»). Достаточно ли такой легитимации для выбора научного поиска в качестве *профессии* и, тем более, переживания его как *призвания*, решать каждому.

Примечания

¹ А через десять лет на свободных выборах студенческих объединений во всех (кроме католического) победят нацисты. Из всех профессиональных групп Веймарской республики наибольшее число штурмовиков СА и членов НСДАП было среди врачей и студентов медицинских факультетов — «людей самой гуманной профессии». Об эволюции немецкого студенчества на протяжении XIX столетия интересный социологический очерк был написан Норбертом Элиасом (см.: [Elias 1989]).

² Ясперс высказывался и еще резче: ему был ненавистен сам тип «бурша», лишенного даже малейшего налета духовной культуры [Jaspers 1977, 55].

³ Всего было примерно 90 тыс. студентов, но треть из них училась в высших инженерных и коммерческих школах.

⁴ Стоит отметить, что на тот момент (1920 г.) Ясперс даже не приступал еще к разработке собственной экзистенциальной философии, но явно отсылал к учению С. Кьеркегора о выборе. Дезионизм Вебера, явно присутствующий в докладе, оказал воздействие и на Ясперса, и на К. Шмитта.

⁵ Или даже соблазном. Как писал С.Н. Булгаков: «Поразителен этот люциферический экстаз, которым по существу является пафос гегельянства: кроме самого Гегеля, кто может испытывать это блаженство богосознания и богобытия, переживая его Логикю?» [Булгаков 1994, 76].

⁶ Об этой оппозиции гегельянству удачно написано в работе Ф. Рейно [Raynaud 1987, 19–24].

⁷ Вряд ли случайно, что из всей необъятной «веберианы» у нас перевели биографию Вебера, написанную Юргеном Каубе [Каубе 2016]. Она может служить примером такого толкования прошлого: все наиболее ценное в веберовском наследии оказывается «устаревшим» и малозначимым, тогда как главным в его жизни и деятельности становится то, что «готовило» таких социологов и журналистов, как Ю. Каубе, со-редактора газеты *Frankfurter Allgemeine*, которая ранее славилась своим культурным разделом (*Feuilleton*), но теперь — усилиями Каубе — творчески его преобразовавшая: просвещенному буржуа (*Bildungsbürger*) более не нужны всякие устарелые *Geisteswissenschaften*.

⁸ Любопытные сравнительные данные приводит бывший декан факультета естественных и гуманитарных наук Гарварда, Генри Розовски. Шуточный пример со слабым игроком баскетбольной команды, проводящим почти все время на скамейке запасных, и считающимся преуспевающим профессором экономики или права из Ivy League, показывает реальное место на рынке труда даже самых привилегированных членов университетской корпорации. См. [Розовски 1995, 277–279].

Источники и переводы — Primary Sources in Russian and Russian Translations.

Булгаков 1994 — *Булгаков С.Н.* Свет невечерний. М.: Республика, 1994 (Bulgakov, Sergei *Unfading Light*, in Russian).

Вебер 1994 — *Вебер М.* Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994 (Weber, Max *Selected Works*. Russian translation).

Шелер 2011 — *Шелер М.* Проблемы социологии знания, М., Институт общегуманитарных исследований, 2011 (Scheler, Max *Probleme einer Soziologie des Wissens*. Russian translation).

Ясперс 1994 — *Ясперс К.* Речь памяти Макса Вебера // Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994 (Jaspers, Karl *Max Weber*. Russian translation).

Elias, Norbert (1989) *Studien über die Deutschen*, Suhrkamp, Frankfurt am Main.

Haffner, Sebastian (1981) *Eine deutsche Revolution 1918/19*, Rowohlt Taschenbuch Verlag, Reinbeck bei Hamburg.

Jaspers, Karl (1977) *Philosophische Autobiographie*, Piper, München.

Nolte, Ernst (1963) *Der Faschismus in seiner Epoche*, Piper, München.

Plessner, Helmuth (1974) *Die verspätete Nation*, Suhrkamp, Frankfurt am Main.

Raynaud, Philippe (1987) *Max Weber et les dilemmes de la raison moderne*, PUF, Paris.

Tenbruck, Friedrich (1995) “Nachwort”, *Max Weber, Wissenschaft als Beruf*, Reclam, Stuttgart.

Weber, Max (1995) *Wissenschaft als Beruf*, Reclam, Stuttgart.

Ссылки — References in Russian

Каубе 2016 — *Каубе Ю.* Макс Вебер: жизнь на рубеже эпох. М.: Дело, 2016.

Розовски 1995 — *Розовски Г.* Университет. Руководство для владельца. М.: Еврейский университет, 1995.

References

Nolte, Ernst (1963) *Der Faschismus in seiner Epoche*, Piper, Muenchen.

Kaube, Jorgen (2014) *Max Weber. Ein Leben zwischen den Epochen*, Rowohlt, Berlin (Russian Translation, 2016).

Rosovsky, Henry (1990) *The University. An Owner's Manual*, Norton@Company, New York – London (Russian Translation, 1995).

Сведения об авторе

РУТКЕВИЧ Алексей Михайлович –
Доктор философских наук, профессор
НИУ ВШЭ.

Author's information

RUTKEVITCH Aleksei M. –
DSc in Philosophy, professor NRU HSE.